

деяния, понятие оценочное. Исходя из силы, уровня и степени психического воздействия и податливости такому воздействию загипнотизированного лица, следует решать вопрос об ответственности или об освобождении от нее лица, совершившего общественно опасное деяние.

Лицо, загипнотизировавшее другого человека, который в таком состоянии совершил общественно опасное деяние, должно нести ответственность. При квалификации действий гипнотизера в таких ситуациях возможны три варианта. Первый: гипнотизер, доведя конкретного человека до состояния глубокого гипнотического сна, подает ему сигнал совершить общественно опасное деяние, которое выполнил последний. Действия гипнотизера следует квалифицировать как непосредственное исполнительство. Загипнотизированный освобождается от уголовной ответственности на основании института непреодолимой силы. Данное утверждение подтверждает мнение, высказанное Т. Орешкиной: «Гипноз может выступать в роли непреодолимого психического принуждения, если от человека с помощью внушения добиваются выполнения каких-либо действий, причиняющих вред общественным отношениям» [5, с. 59].

Второй: гипнотизер довел состояние другого человека до стадии неглубокого гипнотического сна и подал сигнал последнему совершить преступление, в результате чего оно было совершено. В этой ситуации гипнотизер несет ответственность за подстрекательство к совершению конкретного преступления, а загипнотизированный – как исполнитель преступления, совершенного при смягчающих обстоятельствах, т. е. под воздействием насилия.

Третий: гипнотизер, доведя конкретного человека до состояния гипнотического сна, не подавал сигналов последнему совершить общественно опасное деяние, но не разгипнотизировал его, т. е. оставил в таком состоянии, а загипнотизированный совершил общественно опасное деяние или сам себе причинил вред (здоровью, имуществу). В этом случае гипнотизер должен нести ответственность за поставление в опасность и оставление в опасности либо за неосторожное преступление (в зависимости от конкретных обстоятельств).

Таким образом, гипнотизер при доведении до состояния гипнотического сна конкретного человека, который в результате совершает общественно опасное деяние, должен нести ответственность либо как за умышленное преступление, либо за неосторожное преступление, либо за поставление в опасность или оставление в опасности. В связи с этим возникает необходимость дополнить диспозицию ст. 159 УК указанием, что такое поставление или оставление в опасности повлекло иные тяжкие последствия.

Библиографические ссылки

1. Барышева В. Уголовно-правовое значение «аномального аффекта» // Законность. 2003. № 12.
2. Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М.: Юрид. лит., 1974.
3. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: в 2 т. М., 2001. Т. 1: Общая часть.
4. Козаченко И.Я., Спасенников Б.А. Вопросы уголовной ответственности и наказания лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости // Государство и право. 2001. № 5.
5. Орешкина Т. Уголовно-правовое значение непреодолимой силы // Уголов. право. 2003. № 2.
6. Уголовное право. Общая часть: учеб. для вузов / отв. ред.: И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999.
7. Улицкий С. Квалификация общественно опасных деяний невменяемых // Законность. 2003. № 11.
8. Чечель Г., Седых Л. Особенности квалификации преступления, совершенного загипнотизированным лицом // Уголов. право. 2009. № 3.
9. Энциклопедия уголовного права: в 4 т. СПб., 2005. Т. 4: Состав преступления.

Дата поступления в редакцию: 25.05.10

УДК 343.123.66 (476)

С.В. Рыбак, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Исследуются проблемные вопросы теоретического и прикладного характера, возникающие при реализации судом правомочия инициировать проведение органом дознания проверки по делам частного обвинения. На основе анализа уголовно-процессуального законодательства о возможности практического применения отдельных норм, регулирующих общественные отношения в рас-

сма­три­вае­мой об­ла­сти пра­ва, а­р­гу­мен­ти­ру­ет­ся точ­ка зре­ния о не­об­хо­ди­мо­сти их со­вер­шен­ст­во­ва­ния. Критической оценке под­вер­га­ют­ся от­дель­ные а­спек­ты по­ста­нов­ле­ния плену­ма Вер­хов­но­го суда от 31 мар­та 2010 г. № 1 «О прак­ти­ке при­ме­не­ния су­да­ми норм Уго­лов­но-про­цес­су­аль­но­го ко­дек­са, ре­гу­ли­ру­ю­щих про­из­вод­ство по де­лам част­но­го об­ви­не­ния», приз­ван­но­го упо­ря­до­чить и де­та­ли­зи­ро­вать со­от­вет­ст­вую­щие пра­во­от­но­ше­ния.

The article is devoted to the theoretical and applied problematic issues arising when the Court implements the competence to initiate conducting control over private prosecution by an inquiry body. Based on the analysis of criminal procedure legislation for practical application of certain rules regulating public relations in this area of law, the necessity to improve them is reasoned. Certain aspects of Resolution № 1 of March 31, 2010 of the Supreme Court 'On the practice of implementing by courts the rules of the Criminal Procedure Code regulating proceedings in cases of private prosecution', aimed to regularize and detail the appropriate legal relations, are subjected to critical evaluation.

Преобладание принципа диспозитивности в правовой системе свойственно зрелому гражданскому обществу и демократическому государству. Проводимая с 1992 г. в Республике Беларусь судеб­но-пра­во­вая ре­фор­ма на­прав­ле­на на рас­ши­ре­ние част­ных начал в уго­лов­ном про­цес­се. Лич­ный ин­те­рес по ря­ду ка­те­го­рий уго­лов­ных дел по­став­лен зна­чи­тель­но вы­ше об­щес­твен­но­го. Это обу­слов­ли­ва­ет тен­ден­цию на огра­ни­че­ние воз­мож­но­сти вме­ша­тель­ства го­су­дар­ст­вен­ных ор­ганов в дан­ную об­ла­сть пра­во­от­но­ше­ний, ис­клю­чи­тель­ность та­ких слу­ча­ев.

Ре­гла­мен­ти­ро­ван­ное в ч. 2 ст. 427 Уго­лов­но-про­цес­су­аль­но­го ко­дек­са Рес­пуб­ли­ки Бе­ла­русь пра­во­мо­чие су­да ини­ци­и­ро­вать про­ве­де­ние ор­ганом до­зна­ния про­вер­ки по де­лам част­но­го об­ви­не­ния яв­ля­ет­ся од­ной из наи­бо­лее ти­пич­ных раз­но­вид­но­стей втор­же­ния го­су­дар­ства в част­ный ин­те­рес. Вме­сте с тем в хо­де про­из­вод­ства по рас­сма­три­вае­мой ка­те­го­рии де­л при­ме­не­ние норм обо­зна­чен­но­го ин­сти­ту­та в ря­де си­ту­а­ций сле­ду­ет при­знать оправ­дан­ным и без­аль­тер­на­тив­ным. Ис­клю­чи­тель­ность от­сту­п­ле­ния от об­щих тен­ден­ций со­вер­шен­ст­во­ва­ния уго­лов­но-про­цес­су­аль­но­го за­ко­на де­тер­ми­ни­ру­ет не­об­хо­ди­мость их без­уп­ре­чно­го с точ­ки зре­ния тол­ко­ва­ния и воз­мож­но­сти ре­а­ли­за­ции нор­ма­тив­но­го за­кре­п­ле­ния. Це­лью дан­ной ста­тьи яв­ля­ет­ся вы­яв­ле­ние и ана­лиз су­щес­т­вую­щих в оте­чес­твен­ном уго­лов­но-про­цес­су­аль­ном за­ко­но­да­тель­стве неточ­но­стей и пробелов в ре­гу­ли­ро­ва­нии пра­во­от­но­ше­ний, свя­зан­ных с на­зна­че­нием и про­ве­де­нием про­вер­ки по де­лам част­но­го об­ви­не­ния, а та­к­же по­иск оп­ти­маль­ных пу­тей их ни­ве­ли­ро­ва­ния.

В со­от­вет­ствии с ч. 2 ст. 427 УПК при не­об­хо­ди­мо­сти по­лу­че­ния объ­яс­не­ний, за­к­лю­че­ний спе­ци­а­ли­стов и иных дан­ных суд на­прав­ля­ет заяв­ле­ние в ор­ган до­зна­ния для про­ве­де­ния про­вер­ки, ко­торая дол­жна быть за­кон­че­на в срок до 10 су­ток. Бук­валь­ный ана­лиз при­ве­ден­ной нор­мы не по­зво­ля­ет уяс­нить со­дер­жа­тель­ную сто­ро­ну дан­ных, о ко­то­рых го­во­рит­ся в ста­тье, не да­ет пред­став­ле­ния о том, для че­го они нуж­ны су­ду на кон­крет­ном эта­пе уго­лов­но­го про­цес­са и на при­ня­тие ка­ко­го ре­ше­ния они приз­ва­ны по­вли­ять. Счи­та­ем, что если в ста­тье го­во­рит­ся о на­прав­ле­нии заяв­ле­ния, а не уго­лов­но­го де­ла, а та­к­же о про­ве­де­нии про­вер­ки, а не рас­сле­до­ва­ния, то со­от­вет­ст­вую­щие про­цес­су­аль­ные дей­ствия ор­гана до­зна­ния дол­жны быть ори­ен­ти­ро­ва­ны на ус­та­нов­ле­ние фак­ти­чес­ких дан­ных, не­об­хо­ди­мых для при­ня­тия заяв­ле­ния. Суд, в свою оче­редь, впра­ве ини­ци­и­ро­вать про­вер­ку в том слу­чае, ко­гда в по­дан­ном заяв­ле­нии обо­зна­чен­ные дан­ные не со­дер­жат­ся из­на­чаль­но. По су­ти, они и яв­ля­ют­ся ос­но­ва­нием для при­ня­тия заяв­ле­ния или воз­буж­де­ния уго­лов­но­го де­ла (по смы­слу ч. 3 ст. 426 и ч. 2 ст. 428 УПК эти ос­но­ва­ния то­ждес­твен­ны, так как уго­лов­ное де­ло част­но­го об­ви­не­ния по об­ще­му пра­ви­лу воз­буж­да­ет­ся с мо­мен­та при­ня­тия су­дом заяв­ле­ния). В со­от­вет­ствии со ст. 167 УПК ими яв­ля­ют­ся на­ли­чие дос­та­точ­ных дан­ных, ука­зы­ва­ю­щих на при­зна­ки пре­ступ­ле­ния, и от­сут­ствие об­сто­ятель­ств, ис­клю­ча­ю­щих про­из­вод­ство по уго­лов­но­му де­лу. При­ве­ден­ные рас­суж­де­ния, а та­к­же фор­му­ли­ро­вка ч. 2 ст. 427 УПК сви­де­тель­ст­вуют о том, что рас­сма­три­вае­мая дея­тель­ность су­да и ор­гана до­зна­ния име­ет место до воз­буж­де­ния уго­лов­но­го де­ла, ко­гда о су­деб­ных ста­диях про­цес­са еще речь не идет. Со­от­вет­ст­вен­но ис­сле­дуе­мый вид вме­ша­тель­ства го­су­дар­ства в част­ный ин­те­рес ре­а­ли­зу­ет­ся на до­су­деб­ном про­из­вод­стве. Ана­ло­гич­ной точ­ки зре­ния при­дер­жи­ва­ют­ся Л.И. Ку­к­реш [1, с. 224–225], П.В. Мыт­ник [2, с. 220–221], М.А. Шо­стак [3, с. 461] и дру­гие уче­ные.

Стоит ли отождествлять данную проверку с проводимой органом уголовного преследования по за­яв­ле­нию и со­об­ще­нию о пре­ступ­ле­нии в со­от­вет­ствии со ст. 173 УПК? Не­смот­ря на не­ко­то­рые рас­хо­ж­де­ния в по­ря­дке и сро­ках их про­ве­де­ния, обу­слов­лен­ные осо­бен­но­стями сфе­ры, в ко­то­рую втор­га­ет­ся го­су­дар­ство, – сфе­ры част­ных ин­те­ресо­в, иден­тич­ность це­лей (ус­та­нов­ле­ние при­зна­ков пре­ступ­ле­ния), ор­ганов, их осу­щес­т­вля­ю­щих (ор­ган до­зна­ния), а та­к­же средств (уго­лов­но-про­цес­су­аль­ные дей­ствия и опе­ра­тив­но-ро­зы­ск­ные ме­ро­прия­тия) и ме­то­дов (глас­ные и не­глас­ные; про­цес­су­аль­ные и не­про­цес­су­аль­ные и т. д.) их ре­а­ли­за­ции по­зво­ля­ет го­во­рить с не­ко­то­рой сте­пенью ус­лов­но­сти об од­но­род­но­сти ре­гу­ли­руе­мых пра­во­от­но­ше­ний. В этой свя­зи ви­дит­ся ло­гич­ным рас­ши­ре­ние пе­ре­ч­ня про­цес­су­аль­ных дей­ствий, про­ве­де­ние ко­то­рых раз­ре­ше­но в хо­де про­вер­ки, ини­ци­и­ро­ван­ной су­дом по де­лам част­но­го об­ви­не­ния, и вклю­че­ние в него по ана­ло­гии с ч. 2 ст. 173 УПК за­дер­жа­ния в по­ря­дке ст. 108 УПК, лич­но­го обыс­ка при за­дер­жа­нии, ос­мо­тра ме­ста про­ис­ше­ствия, мес­тно­сти, по­лу­че­ния об­раз­цов для срав­

нительного исследования, назначения и проведения экспертизы, истребования дополнительных документов (специфика рассматриваемой категории уголовных дел позволяет не включать в перечень следственных действий, проведение которых возможно до принятия судом заявления, т. е. до возбуждения уголовного дела, эксгумацию и осмотр трупа). Устанавливая 10-суточный срок проведения проверки органом дознания по делам частного обвинения, законодатель не определил момент его отсчета, который, видимо, необходимо связывать с поступлением материалов в орган дознания либо назначением начальником органа дознания конкретного должностного лица (группы лиц) в качестве исполнителя. Думается, в указанный в ч. 3 ст. 427 УПК срок не должно включаться время, затраченное на пересылку заявления и материалов из суда в орган дознания. Необходимо также предусмотреть обязанность органа дознания процессуально оформлять решение о начале и окончании проверки с передачей материалов в суд. Разумеется, время, затраченное на проведение проверки и передачу заявления и материалов, не может являться составляющей частью срока принятия судом решения по поступившему заявлению, предусмотренного ч. 5 ст. 4 постановления пленума Верховного суда Республики Беларусь от 31 марта 2010 г. № 1 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения» (далее – ППВС).

Следует признать не совсем удачной попытку пленума Верховного суда конкретизировать и упорядочить исследуемые правоотношения. Так, согласно п. 1 ч. 8 ППВС принятое судом заявление может быть направлено в орган дознания для проведения проверки в том случае, когда представленных частным обвинителем данных недостаточно для назначения судебного разбирательства либо их получение в судебном заседании может привести к неоправданному затягиванию судебного разбирательства.

Во-первых, из смысла приведенной нормы вытекает то, что проверка инициируется судом не на досудебном производстве, а на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства. На это указывают конструкция «принятое судом заявление»; апеллирование к процессуальной фигуре частного обвинителя, появление которой возможно после возбуждения указанной категории уголовного дела; а также декларирование направленности действий суда на принятие решения о назначении судебного разбирательства. Более того, п. 2 ч. 8 ППВС прямо указывает на данный факт, устанавливая правило, согласно которому поступившие материалы проверки «приобщаются к уголовному делу» наряду с другими материалами, полученными на стадии «подготовки судебного разбирательства». Следовательно, по мнению пленума Верховного суда, проверка проводится уже в рамках возбужденного уголовного дела. В таком случае остается не совсем понятным, почему речь идет о проверке, а не о производстве по уголовному делу и почему в орган дознания посылается заявление, а не уголовное дело. Кроме того, полномочия органа дознания по проведению проверки уголовно-процессуальное законодательство связывает с досудебным производством, к которому не относится стадия назначения и подготовки судебного разбирательства.

Во-вторых, в рассматриваемой норме сформулированы основания назначения проверки, которыми являются недостаточность данных для назначения судебного разбирательства, а также необходимость получения данных, установление которых в судебном заседании может привести к неоправданному затягиванию судебного разбирательства. По общему правилу на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства судья должен установить отсутствие оснований, препятствующих рассмотрению дела в суде, а также ответить на вопросы, изложенные в ст. 277 УПК. Аналогичные требования выполняются судьей и по делам частного обвинения. Незначительные процедурные отличия связаны с необходимостью выполнения процессуальных действий, регламентированных ч. 3, 4 ст. 427 УПК, а также отсутствием возможности продления срока стадии назначения и подготовки судебного разбирательства по делам частного обвинения. В этой связи регламентация возможности задействовать в решении обозначенных вопросов орган дознания видится не в полной мере обоснованной как с теоретической, так и с практической точки зрения.

По-другому обстоит дело с решением вопроса о принятии заявления по делам частного обвинения. В соответствии со ст. 4 ППВС в течение трех суток с момента поступления заявления в суд судья должен выяснить следующие обстоятельства: подлежит ли деяние уголовному преследованию в порядке частного обвинения, т. е. является ли оно противоправным, общественно опасным, наказуемым и входит ли в перечень деяний, предусмотренных ч. 2, 3 ст. 26 УПК; обладает ли заявитель правом возбуждения уголовного дела частного обвинения; не имеется ли обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, и др. Установление большинства из этих сведений по общему правилу не относится к компетенции суда и является особенностью производства по делам частного обвинения. Именно здесь и видится необходимым создание дополнительного инструмента в виде возможности инициировать судьей проведение проверки органом дознания для установления данных, необходимых для решения вопроса о принятии заявления.

Что касается такого основания назначения проверки, как получение сведений, установление которых в судебном заседании может привести к неоправданному затягиванию судебного разбиратель-

ства, то видится недопустимой и противоречащей как международному законодательству, так и наметившимся тенденциям в отечественном судопроизводстве необоснованное, не продиктованное в первую очередь практическими потребностями расширение случаев применения механизмов публичного характера для сокращения срока судебного разбирательства по делам частного обвинения. Более логичным видится предложение о регламентации нормы, позволяющей по аналогии с ч. 3 ст. 276 УПК продлить срок производства на данной стадии при наличии для этого соответствующих предпосылок.

Таким образом, проведение проверки органом дознания по инициативе суда по делам частного обвинения должно иметь место только на досудебном производстве – до возбуждения уголовного дела и быть направлено на установление данных, необходимых для принятия судом заявления.

Библиографические ссылки

1. Кукреш Л.И. Уголовный процесс. Особенная часть : учеб. пособие. Минск : Тесей, 2000.
2. Мытник П.В. Уголовный процесс: судебные стадии : лекции. Минск : Тесей, 2001.
3. Шостак М.А. Уголовный процесс. Особенная часть : учеб. пособие. Минск : Амалфея, 2006.

Дата поступления в редакцию: 19.07.10

УДК 343.130

А.Л. Савенок, кандидат юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

Рассматриваются вопросы уголовно-правового законоотворчества. Отмечается, что своевременный и точный учет всех характерных особенностей уголовно-правового законоотворчества может оказать заметное влияние на качество уголовного закона и его эффективность. По мнению автора, уголовно-правовое законоотворчество должно представлять собой современный технологический процесс, эффективность которого тесно связана с уголовно-правовой политикой государства, принципами правотворчества, развитием уголовно-правовой науки, а также с правильной организацией всего законоотворческого процесса. Кроме того, предлагается нормативно закрепить необходимость обязательного изучения эффективности действия уголовного закона после вступления его в силу, что явилось бы важным методом совершенствования всей законодательной работы. Периодичность такого изучения должна быть регламентирована законодателем в обязательном порядке и осуществляться соответствующими научными учреждениями. Автором также указывается на необходимость подготовки специалистов в области юридической лингвистики.

The questions of criminal law legislation are discussed in the article. It is underlined that a timely and accurate account of all characteristic features of the criminal law legislation may influence considerably the quality of the Criminal Law and its effectiveness. To the authors opinion criminal law legislation must be a modern technologic process. Its effectiveness is closely connected with the criminal law policy of the state, principles of lawmaking, development of the criminal law science and proper organization of the whole legislative process. Besides, it is offered to embody in laws the necessity of a compulsory study of the effectiveness of the criminal law after coming into force which would be an important method of perfection of all the legislative work. The periodicity of such studies should be regulated by the legislator on a compulsory basis and they should be carried out by corresponding scientific establishments. The author also points out the necessity of training of specialists in the sphere of legal linguistics.

Как любой созидательный процесс, уголовно-правовое законоотворчество характеризуется органическим единством трех его составных компонентов: познания, деятельности и результата. Данный процесс во многом совпадает с выделяемыми в научной литературе стадиями уголовно-правового законоотворчества: обусловливанием, формулированием и реализацией [10, с. 9; 13, с. 79–84]. В результате этой деятельности должна быть установлена функциональная связь между тем, что есть, и тем, что должно быть, т. е. между сущим и должным. Своевременный и точный учет всех характерных особенностей уголовно-правового законоотворчества может оказать заметное влияние на качество уголовного закона. В свою очередь, недостатки в этом процессе могут привести как к пробельности в уголовной наказуемости, так и к ее чрезмерности. Как следствие, такое законоотворчество не будет эффективным, поскольку может негативно влиять на неотвратимость ответственности или же приводить к неоправданной криминализации. Указанные обстоятельства обуславливают целесообразность и необходимость специальной научной разработки теории и методики уголовно-правового законоотворчества, поскольку речь в данном случае идет о специфике подготовки и принятия закона,